

Дорогие друзья! Было бы странно не заметить, что я практически на год исчез из активной поддержки своего сайта. Причина – тяжелая болезнь. Я бы не стал говорить об этом, если бы случайно не обнаружил, как много людей ищут ответы и помощь в web-пространстве, особенно в связи с онкологическими заболеваниями. Не менее удивительными для меня оказалась и популярность статей с описанием всего процесса лечения рака в той или иной стране, причем не только в Интернете, но в журналах и газетах. Поскольку мне также пришлось испытать эту страшную напасть, я решил тоже описать процесс ее лечения в США, где я ныне проживаю. Но чтобы лучше понять медсистему этой страны, я решил ради сравнения также рассказать и о том, как меня лечили от тех или иных болезней в различных странах, начиная с СССР, – государства, где я родился и где прожил большее количество своих лет.

Некоторым читателям могут показаться ненужными многие детали. В таком случае пропускайте их, хотя, как показала практика, «детали» помогли не только мне справиться с недугом. Я решил рассказать и о «деталях» борьбы за здоровье не только с этим заболеванием, но и с теми, с которыми я столкнулся сам, чем и как меня лечили в разных странах. Возможно, и мой опыт поможет кому-то. Но главное, я хочу на своем примере показать разницу в подходах к человеку и его болезни в разных странах, в разных государственных системах. Это и медицинский и культурологический аспект.

Часть I

Медицина в Советском Союзе

Опишу два случая. Первый случился в г. Астрахани, где я родился и жил до отъезда на учебу в Ленинград. С пятого класса я занимался спортивной гимнастикой. В девятом классе работал по программе кандидата в мастера спорта. В одну из суббот я с приятелями, тоже гимнастами, после посиделки в кафе, где мы немного переборщили с вином, возвращался домой. За площадью Ленина, недалеко от астраханской тюрьмы, как на грех попался турник. И я решил крутануть на нем «солнце» и сделать соскок через сальто. Приземлился я точно на затылок. В тот момент я ничего особенного не почувствовал и сам дошел до дома. И только утром я обнаружил, что что-то не в порядке с шеей. Мама вызвала скорую, объяснив ситуацию. Приехал врач-нейрохирург, который начал колоть меня в различные части тела. Он радостно сообщил, что не все

еще потеряно, и срочно забрал меня в больницу. Я совершенно не был готов к такому повороту событий, постоянно спрашивая врача: приду ли я в норму через неделю, чтобы проучаствовать в намечающихся соревнованиях. Он мне сказал, чтобы я о них забыл, чем привел меня просто в ступор.

В больнице меня поместили в нейрохирургическое отделение. Поначалу меня просветили на рентгене, а затем, кажется, через день, мне сделали пункцию. Я не знал, что это такое. Но мама, когда узнала, что собираются делать пункцию, очень запаниковала, поскольку, как я позже узнал от нее, в свое время, когда ей тоже сделали пункцию, она несколько месяцев не могла работать. Более того, после этой пункции ей даже назначали инвалидность. (Через какое-то время ее, правда, сняли.)

В конечном счете мне выдали такой результат: у меня смещение пятого позвонка и что мне повезло, т.к. если бы позвонок сместился еще на миллиметр или два (точно не помню), то меня бы вообще парализовало.

Лечение свелось к так называемой вытяжке: на голову надели что-то типа шлема, подвязанного к гилям через какое-то особое устройство. Я пролежал на этой вытяжке чуть более двух месяцев. Никаких других лекарств мне не давали и не помню, чтобы брали кровь. Только время от времени, где-то раз в две недели делали рентген. В этой больнице я первый раз столкнулся со всякими «суднами», которые вызывали у меня жутчайший стыд. Только через некоторое время я его поборол, благо нянечки, которые обслуживали данную процедуру, были все в возрасте бабушек.

В палате лежало еще четверо мужиков: у всех тоже были проблемы с шейными позвонками. Все они получили травму из-за ныряний в воду в неположенном месте (это точно как с фотографий про русских: «не ныряй» – и тут же подвыпивший лихач башкой вперед ныряет). Больные были весьма колоритными, особенного парень, которого все называли «полковник Рауцеп». Почему Рауцеп, не знаю. Удивительно то, что через три года я попал на завод, в цех (первая моя специальность – грузчик), начальником которого был как раз этот самый полковник Рауцеп. В больничной палате были разбросаны книги, часть из которых осталась от предыдущих больных, а часть, судя по штампам, из больничной библиотеки. За время прикованности к постели я прочитал несколько томов Бальзака, Гюго, еще кого-то из французов, но главное другое. В палате на подоконнике у моей кровати оказалась книга Гегеля «Феноменология духа». Я и ее решил «проглотить», но уже с первой страницы обнаружил, что ничего не понимаю. В то время у меня не укладывалось в голове, как это можно не

понимать текст, если он написан на русском. Немножко поковырявшись в этой книге, я рассказал о своем удивлении лечащему меня врачу, тому самому нейрохирургу, который приезжал на скорой. Его фамилия – Клейнер (к своему стыду я не запомнил его имени). Профессор сам удивился, что в палате оказалась такая книга. Дело в том, что даже среди философских книг «Феноменология» Гегеля является, пожалуй, самой трудной книгой для понимания. Труднее, чем его же «Наука логики». Много лет спустя, живя в Ванкувере и работая в библиотеке Университета Бритиш Колумбия, в спецхране этой библиотеки я, отыскав полку с работами Гегеля, обнаружил, что его «Феноменологию» и «Науку логики», судя по внешнему виду и слипшимся страницам, никто даже и не открывал. В отличие от других его работ.

Так вот. Профессор Клейнер после разговора со мной через дня два принес мне популярную брошюру по философии, которую я проглотил за тот же вечер. Я попросил еще, и он мне стал приносить популярные книжечки о различных философах. Чтение этой литературы совершенно изменило тип моего мышления и из больницы я вышел совсем другим человеком.

Что же касается шеи, то выписывая меня, на шею одели корсет, в котором я проходил несколько месяцев (точно не помню сколько). Интересно, что когда его снимали, из-за ослабленных мышц у меня голова завалилась в сторону, и я чуть не получил повторное смещение. Но я вовремя успел ее подхватить, и когда мне забинтовали шею, она вроде стала нормально держаться. Правда, шея моя стала «гусиной»: от ее объема в 41 см осталось где-то 32–33 см.

Что касается лечения, то меня ничем не мучили: никаких лекарств не давали, уколы не кололи, в вену ничего не вводили, никаких капельниц не ставили. Просто я лежал и вытягивался, пока этот пятый позвонок не встал на свое место. (В дальнейшем гимнастикой я заниматься уже не смог, но занимался короткое время греблей, самбо, а после университета – несколько лет каратэ.) Я долго не чувствовал эту травму. Как мне сказал кто-то из врачей, вокруг позвонка образовалась костная мозоль. И только после 60 лет в районе шеи появились остеохондрозные боли, которые иногда приходилось снимать уколами (Diprosпан).

Понятно, что все лечение в Советском Союзе было бесплатным. За все время, проведенное в больнице, я не заполнил ни одной бюрократической

медицинской бумажки. Кормили нормально. По крайней мере я не почувствовал, что была какая-то плохая еда.

Для меня так и осталась загадкой книга «Феноменология духа» и ее присутствие в больничной палате. Кто в Астрахани, провинциальном городке, мог изучать такую книгу? Причем, книга была прилично потрепана, что означало, что ее читало немалое количество людей. Я до сих пор так и не ответил себе на этот вопрос.

* * *

Здоровье мое вполне выправилось и второй раз я попал в больницу с аппендицитом уже живя в Москве. Это было в 1976 г. Приступ произошел в субботу. Меня на скорой привезли в больницу, рядом с Черемушкинским рынком. Какая-то медсестра меня «приняла» и сказала, чтобы я ждал врача. Врача не было. Корчась от боли, я спросил у сестры, почему так долго нет врача. Она куда-то позвонила и сказала, что операцию будут мне делать в понедельник, поскольку в субботу и в воскресенье хирургов нет. Я не поверил своим ушам. Но через часа два я понял, что терпеть боль больше не могу и до понедельника вряд ли смогу дотянуть. Я из приемной позвонил жене, сообщив ей о такой ситуации. Как ни странно, уже минут через двадцать меня повезли в операционную. Как потом я узнал, Валя помчалась к нашему другу, Саше Ш., который немедленно позвонил в приемный покой больницы, сообщив, что к ним случайно попал сотрудник аппарата ЦК КПСС (дескать, не в свою поликлинику) и чтобы ему срочно сделали операцию. «Телефонное право» в Советском Союзе, возможно, и спасло мою жизнь. После этого звонка врач тут же появился. Не взяв на анализ кровь, не проведя иных тестов, меня повезли в операционную.

В операционной врач спросил, какой наркоз мне сделать: в смысле общий или локальный. Мне показалась, что такого типа операция рутинная, сказав: локальный. Он мне сделал наркоз и показал на зеркало (оно висело наверху), чтобы я, если любопытно, мог бы наблюдать процесс. От этой «услуги» я отказался. Закрыв глаза. Через какое-то время я почувствовал жуткую боль. И вместо хирурга увидел перед собой чернокожего человека в белой маске. Я, опешив, спросил, что он здесь делает? Я реально ощущал боль в том месте, где он производил надо мной нечто. С африканским акцентом мой «спаситель» объяснил, что он зашивает разрез и что здесь он проходит практику, учась в университете Дружбы народов им. Патриса Лумумбы. А больно мне потому, что

наркоз уже почти кончился. А дополнительного не положено. «Экономика, – говорит, – должна быть экономной» – тогдашний знаменитый лозунг. Короче, процесс зашивания проходил практически без наркоза и с моими полуматовыми столами. После окончания операции он тоже исчез, и я остался лежать на столе, думая, что меня сейчас будут перевозить в палату. Думал я минут 15–20. Приходит «нянечка» и говорит, что надо идти в палату. Я ей: мне же только что сделали операцию, как я могу идти? Она: теперь новая мода, надо сразу двигаться, тогда быстрее заживет. Я остолбенел. Тем не менее, кряхтя и охая, опираясь на эту старушку, я доплел до палаты, в которой лежало человек шесть довольно бодрых мужиков. На следующее утро (это было воскресенье), когда я проснулся, в палате никого не было, зато в коридоре жуткий шум и гам. Я выглянул и обомлел: в коридоре шло соревнование на скорость передвижения в больничной коляске. Больные где-то ее умыкнули. «Спортсмен» сел в эту коляску и мчался на ней от одного конца коридора до другого. «Судья» засекал время. Если кто-то проигрывал, то на нем «висела» бутылка водки. За водкой ходили в ларек, что находился рядом с Черемушкинским рынком. Путь – через окно вниз на простынях. Я не мог понять, как после операции (а у всех был аппендицит) они могли так живо резвиться. Да еще и поддавать.

Как потом выяснил из разговоров, они все симулировали, что шов у них не заживал, внезапно поднимается-де температура или еще что-то. Эти «побочные явления» позволяли им находиться в больнице недели по две как минимум, а чемпионы держались аж до месяца. Таким образом, они еще отдыхали от работы (среди моих со-палаточников все были из рабочих). У меня было такое впечатление, что для медперсонала все это не было тайной. Проявлялась «социалистическая» солидарность.

Я же вышел из больницы дней через пять. Через какое-то время мне сказали, чтобы я пришел снять швы. Но с ними была загвоздка. Я не понял, что за нитки торчали из моего живота. Взял и все их срезал, не сказав Вале. А когда пришел на снятие швов, врач обалдел от этой картины. Так что остатки пришлось вытаскивать с болью.

* * *

В то время меня поразили «больные» и халатность врачей в том смысле, что если бы мой друг не позвонил, у меня мог бы развиться перитонит с печальным исходом. С высоты же нынешнего времени меня удивляет, что весь

операционный процесс не был опутан никакими бюрократическими формальностями. Лечение, пребывание в больнице и питание было бесплатным. Возможно, и питание было не на должном уровне (хотя тогда я этого не заметил), и отсутствие предоперационной подготовки, и халатность – это плохо, но по сравнению с тем, что при капитализме без денег просто не выжить – это факт. А в советское время я дважды выжил, не вложив ни копейки в свое лечение.

Канада

В третий раз в госпиталь я попал в Канаде.

В детстве я застудил уши, получив воспаление среднего уха, которое от любого «чиха» воспалялось с новой силой. В Астрахани меня лечили от этого борным спиртом, который на время останавливал процесс, но при любой простуде уши снова «текли». И вновь борный спирт. В конце концов спирт сжег обе барабанные перепонки, превратив болезнь в хроническую. Как ни странно, в Ленинграде, где я учился в Университете, она как бы заглохла, но в Москве, куда я переехал после учебы, она вновь «заработала» (в смысле выделения из ушей). Хожение по московским врачам тоже ничего не дали (тот же борный спирт). Пока я где-то не вычитал про лекарство Диоксидин, который вроде бы и приостановил воспалительный процесс.

Сейчас я не помню, как болезнь вела себя до Канады, куда мы приехали 1 апреля 1993 г., но первый звонок с этой проблемой в Канаде прозвонил 25 мая 1993 г. Врач (китаец по фамилии Мэй) выписал мне антибиотик (Cefuroxime – 500 mg., стоило лекарство 65 долл.). Выделение из ушей не прекратилось и в конце июня уши заболели серьезнее. Снова тот же антибиотик. Не помогло. Тогда доктор Мэй предложил сделать операцию на барабанной перепонке, идея которой заключалась в том, чтобы «заклеить» в ней дырки и трещины. Жена сказала, что видела по телевизору как делают такие операции. Как-то проникают лазером и «заклеивают». Дескать, операция не сложная. Ну и слава богу, раз так. Решили для начала сделать операцию на правом ухе. Операция была назначена на 29 сентября 1993 г.

В день операции мы с женой приехали утром в больницу. В регистратуре – проверка моего имени и цели визита к доктору Мэю. После чего меня тут же повели для переодевания и поместили в предоперационную комнату. Минут через десять повезли на операцию, где меня ждал доктор Мэй. Естественно, эта

операция проходила под общим наркозом и длилась часа два или чуть больше (было не как «по телевизору»).

Очнулся я в той же комнате, из которой меня увозили, но с забинтованной головой. Когда наркоз полностью прошел, меня отпустили домой.

Не могу сказать, что чувствовал я себя хорошо. В тот момент я ничего не слышал. Но дня через два-три мне сняли повязки. Я вроде бы стал слышать лучше и ухо перестало гноиться. Потом я выяснил, что, оказывается, сначала ухо отрезалось, а затем уже то ли лазером, то ли как-то иначе заклеивали дырки и трещины в перепонке. Уже через неделю слух полностью восстановился.

Но оставалась проблема с левым ухом. Мне опять выписали тот же антибиотик (Cefuroxime – 500 mg). Не помогло. Тот же доктор Мэй выписал капли Garasoner и другой антибиотик Amoxicillin – 500 mg. Я глотал и капал эти лекарства вплоть до конца января 1994 г. Выделения и боль как бы прошли, но начала кружиться голова и я терял равновесие: все качалось, и я все видел как бы под наклоном. Тогда Доктор Мэй предложил сделать аналогичную операцию на левое ухо. Я согласился.

8 марта (1994 г.) сделали операцию на левом ухе точно по старому сценарию. На этот раз я чувствовал себя после операции намного лучше, чем в первый раз. Но через некоторое время в голове «зашумело» и возобновлялось головокружение. К июлю практически перестал слышать этим ухом. Д-р Мэй сказал, что сломана ear-bone (какая-то косточка внутри уха). Не исключаю, что он ее и сломал. И предложил сделать повторную операцию. Я почему-то заколебался и решил посоветоваться со своим семейным врачом по фамилии Диксон. Он мне посоветовал обратиться к другому отоларингологу, не к китайцу, а саксу, объяснив, что китайцам все равно, сколько делать операций и каковы их результаты. У них-де психология более чем миллиардного населения: «одним меньше, одним больше, для них неважно». Специалист-англосакс, сказал, что операцию делать не надо, а можно вставить tube (маленькие трубочки разных размеров и конфигураций) в ухо и слух восстановится. И тут же мне ее вставил. И действительно, я сразу же стал прекрасно слышать. Правда, эту трубочку надо было менять через каждые полгода, что я делал, находясь в Канаде.

Когда я ему сказал, что надолго уезжаю в Россию, он мне вставил трубочку помощнее, которая могла служить несколько лет. Так и было.

Да, хочу отметить, что все эти операции делались бесплатно. У меня была страховка, за которую я платил около 300 канадских долларов в год. Единственно, за что нужно было платить, это за лекарства. Еще. В то время я не

обратил на это внимание, но после лечения в США, о чем ниже, должен зафиксировать, что почему-то перед операцией у меня не брали кровь, не подключали ни к каким капельницам и не заставляли заполнять бумаги. Возможно, анализ крови доктор Мэй знал из моих визитов к нему в клинику, хотя сейчас я не помню, брали там кровь или нет. Но вроде бы должны. Не могу не отметить, что в Канаде мне не давали на подпись бумаги, что я согласен на операцию, даже если нет 100% гарантий в случае неудач.

Еще раз: в Канаде бесплатная медицина за исключением лечения зубов и косметики. По средней продолжительности жизни (СПЖ) страна занимает 14 место (2014).

* * *

После Канады я вновь (четыре года) жил в Москве, где у меня эта трубочка-tube выпала. Я решил сходить к ЛОРу поликлиники МГИМО, где я тогда работал, чтобы мне такую же трубочку вновь вставили. Отоларинголог сказал, что он никогда этими делами не занимался и посоветовал мне сходить в спецбольницу, которая находится где-то в конце улицы Варшавской. Я действительно нашел громадное здание-клинику, которая специализируется именно по отоларингологии. С немалыми бюрократическими процедурами я добрался до врача, кандидата медицинских наук, изложив ему свою просьбу и рассчитывая, что он вставит мне сейчас этот злосчастный tube. Он же начал рассуждать о том, что надо лечить корень этой болезни. То есть начать какие-то обследования в самой клинике и, мол, месяца через два, он примет решение. Я, естественно, послал его куда подальше. Еще раз связался с другим кандидатом меднаук «по ушам», который мне проговорил почти то же самое, что и предыдущий кандидат. На прямой вопрос, могут ли они вставлять такие трубочки, ни один из них так мне и не ответил. Этот tube мне за одну минуту вставили потом в Израиле, где я делал уже другую операцию.

Израиль

Четвертый раз в госпитале. Израиль, Тель-Авив. «Чинили» мениск. «Заставь дурака богу молиться...» – это и про меня, когда я увлекался йогой. Садился в лотос и с поджатыми коленками мог спиной доставать пола. Пока в один момент

что-то у меня не хрустнуло в правом колене. (Только впоследствии я узнал, что занятия йогой приносят наибольшее количество травм.) Все мои спортивные занятия прекратились. Боль в колене была не очень острой, и я долго не обращал на нее внимания, пока, уже живя во Франции, она не усилилась. Тогда мой сын предложил поехать в Израиль, в Тель-Авив, где находится очень известная клиника (держал ее Прохоров, и где врачуют, по словам сына, самые лучшие врачи в мире. Клиника называется Ramat Aviv Medical Center.) Мы с женой сразу согласились. Во-первых, до этого мы не были в Израиле, во-вторых, там живут Валины друзья, а в третьих, наслушавшись о чудесах израильской медицины, мы решили пройти полное обследование. В Тель-Авиве нас поселили в пятизвездочной гостинице Хайят. Действительно, обслуживание пациентов этой клиникой было превосходным: каждый день за нами приезжала машина и отвозила в клинику, где мы проходили разные процедуры. Медперсонал состоял в основном из советских евреев, хотя попадались и «местные». У меня в конце концов выявили разрыв медиального мениска правого колена, который-де надо удалить. На этот раз по каким-то причинам я его удалять не стал. И только через полгода мы с женой вновь туда приехали именно для этой процедуры. Врач (доктор Арбель) сказал, что проблем не будет, и это как бы не самая сложная операция. Короче, мне сделали эту операцию. Но после нее доктор Арбель объяснил, что что-то там не совсем удачно, начал показывать мне костяшки-манекены, из чего я так и не понял, почему операция оказалась «не совсем удачной». После этого я еще ходил неделю на реабилитацию (это физические нагрузки на колено). И хотя предыдущие регулярные боли прекратились, но это колено время от времени дает о себе знать вспышками болей до сих пор, но и также неожиданно они проходят. Главное – я до сих пор так и не могу полностью присесть, то есть до конца согнуть колено, из-за чего мне пришлось бросить полноценные спортивные нагрузки.

О стоимости всех этих процедур сын мне говорить не стал, чтобы я не упал в обморок. Уверен, что это очень дорого, имея в виду и поселения больных в пятизвездочные гостиницы, индивидуальные экскурсии с гидами и пр. капиталистический набор. Действительно, эта больница очень хороша, но для очень богатых людей. Удобство ее в том, что больному не нужно метаться по разным клиникам, а доктора сами приходят на операции к тебе, либо больного везут сразу в нужный госпиталь. Думаю, по своему профессионализму они ничуть не лучше, чем в врачи в других странах (кроме нынешней России). Удобство – организованный медицинский бизнес.

* * *

Повторяю: все я это описал для того, чтобы сравнить, как проходит процесс лечения в американской системе здравоохранения.

Продолжение следует